

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Пеньковой Яны Андреевны
«Аналитические формы с референцией к будущему в истории русского языка и письменности на общеславянском фоне», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Диссертация Я. А. Пеньковой посвящена истории форм с референцией к будущему в русском языке, рассматриваемой в системно-типологическом ключе, с особым вниманием к внутригенетической типологии и к механизмам грамматикализации форм будущего в русском и других славянских языках.

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений: семантическое поле будущего, несмотря на обилие публикаций, остается в теоретическом плане зоной с высокой степенью неопределенности: диахроническая и синхронная сложность этого участка грамматической системы русского и славянских языков до сих пор не получила адекватного описания. Между тем будущее время относится к числу категорий не только семантически диффузных, но и с высокой степенью эволюционной подвижности, и на каждом этапе существуют несколько конкурирующих форм разной степени грамматикализации, отличающиеся набором функций и стилистической закрепленностью. Системное описание конкуренции этих форм до сих пор отсутствовало. Недоисследованными остаются механизмы грамматикализации и факторы, ускоряющие или блокирующие этот процесс.

Богатый материал славянских языков и русского языка в особенности, будучи введенным в широкий типологический контекст, дает возможность не только восполнить существующие лакуны, но и по-новому взглянуть на механизмы эволюции будущего времени в целом.

Теоретическая значимость исследования высока, и многие весомые результаты диссертанта еще будут отмечены ниже. В целом же теоретическая значимость этой работы определяется тем, что история аналитических форм с референцией к будущему получает в данном исследовании системную интерпретацию в широком общеславянском и типологическом контекстах.

Это позволяет, во-первых, по-новому оценить специфику конкурентных отношений между формами, которые функционировали в истории русского языка; во-вторых, проследить траектории их семантической эволюции с учетом конвергентных и дивергентных процессов в других славянских языках, с учетом типологически сходных явлений за пределами славянского ареала. Полученные результаты дают основания для пересмотра некоторых устоявшихся положений теории грамматикализации и восполняют пробелы в понимании путей грамматикализации соответствующих средств, а также корректируют ряд имеющихся концепций развития будущего времени в русском и в славянских языках в целом.

Поставленные задачи (стр. 11-12 диссертации) отличаются высоким уровнем сложности их реализации, требующим от исследователя значительной теоретической, методологической и языковой подготовки. В диссертации они решены в полном объеме, с серьезной глубиной проработки и на широком, в том числе многоязыковом материале.

Следует высоко оценить привлекаемый корпус источников – как по объему данных и по временному и жанровому охвату, так и по теоретическому и типологическому вкладу разных составляющих этой базы. Автор работает с несколькими массивами данных: это и исторические модули НКРЯ, и обширный корпус печатных памятников, и материалы исторических словарей, и данные других славянских языков, как древних, так и современных, включая диалектные. Такая многоуровневая система источников, дополненная материалами из параллельных корпусов и результатами специально

разработанной анкеты, обеспечивает высокую степень надежности эмпирической базы и убедительности сделанных обобщений.

Выбранные методы и методический инструментарий (стр. 16) соответствуют поставленным задачам и адекватно задействованы. Методологическая процедура применяется эксплицитно и последовательно, но не остается формализованной: когда исторические источники по объективным причинам выдают количественно и содержательно неровный материал, диссертант демонстрирует методологическую гибкость, привлекая разнородные методы и инструменты — от количественного анализа до интерпретативных процедур, сравнительно-сопоставительных и типологических наблюдений, а также анкетирования для участков, наиболее проблемных с точки зрения получения данных или интерпретации материала.

Далее остановлюсь на содержании диссертации, с акцентом на наиболее научно значимых достижениях.

В первом разделе (томе) работы Я. А. Пенькова обращается к широкому кругу памятников русской письменности XI–XVII вв., и в восьми главах этого раздела солидная эмпирическая база русского материала, подкрепленная при необходимости другими славянскими источниками, подвергается многокурсному лингвистическому анализу: автор рассматривает аналитические формы в парадигматическом, синтаксическом, стилистическом и словообразовательном измерениях, не упуская при этом из виду специфику источников и характер их фиксации, контактологические факторы и сопоставительные данные.

Особой научной значимостью выделяются такие результаты, как:

- древне- и среднерусский период впервые рассматривается как целостная система изменений в сфере форм будущего времени;

- установлена эволюция развития такого крупного фрагмента русской грамматической системы, как аналитические средства выражения начинательности. Вектор эволюции начинательных глаголов раскрывается в диссертации как движение от синкретизма и неограниченной сочетаемости к категориальной дифференциации, когда собственно инхотативное значение отделяется от смежных. Обосновано положение о сложившихся в среднерусский период двух кластерах конструкций с начинательными глаголами: кластер с ИМУ – НАЧНУ – ПОЧНУ, для которого характерно выражение фазовой семантики, и кластер со вспомогательными УЧНУ – БУДУ – СТАНУ, тяготеющий к выражению серийной фазовости и общефактическим контекстам;

- эксплицирована роль модальных и аспектуальных компонентов в семантической динамике конструкций с будущностной референцией;

- на основе избранного инструментария приложена многоступенчатая методика анализа каждой модели, потенциально способной к референции к будущему, см., напр., части, посвященные начинательным глаголам: от внутреннего устройства глаголов в полнозначном употреблении (лексическая семантика, актантная структура, словообразовательная парадигма) к их функционированию в составе конструкций (парадигматика, стилистика, синтаксис, семантика); проверка каждой конструкции через набор параметров, включая характер памятника и предпочтения авторов текстов;

- эволюция форм с отнесенностью к будущему предстает в типологическом обрамлении, прежде всего через призму внутригенетической типологии, и с особым вниманием к роли контактных и ареальных факторов. Это позволяет по-новому взглянуть на конкуренцию форм в русском языке, на их семантическую трансформацию и соотношенность с косвенными наклонениями. Важно подчеркнуть, что широкий охват разнообразных моделей аналитических форм с референцией к будущему в истории русского языка привлекается диссертантом не просто для просеивания через набор параметров с целью отбора нужных (для данной исследовательской проблематики) значений, что само по себе тоже ценно, но и с типологической точки зрения: «Для любой из этих конструкций в языках мира можно найти такие, в которых форма будущего времени возникла в

соответствии с сопоставимой моделью» (т. 1, с. 9). Высокая научная компетентность в области истории русского языка, а также в теории грамматикализации, в том числе знания в области ареальной типологии, позволили диссертанту анализировать исследуемые древне- и среднерусские формы не просто как мозаичный набор возможностей для выражения отсылки к будущему на разных этапах истории русского языка, а как типологически объяснимую картину процессов внутриязыковых и контактно-обусловленных изменений.

Хочется отметить и научную добросовестность в изложении фактов: во-первых, не только дискуссионные теоретические проблемы объясняются читателю во всем комплексе аргументов за и против, но и спорный материал подается с вариантами возможных интерпретаций, с прозрачным для отслеживания поиском решений. Ни один из зафиксированных контекстов не остается без внимания, а каждое отклонение от регулярной модели получает развернутое объяснение.

Таким образом, проводится систематическая проверка гипотезы на всем доступном корпусе источников. Это в не меньшей мере мы будем наблюдать и во втором разделе (томе) работы.

Во втором разделе/томе фокус исследования сначала обращен на славянский материал.

Вообще данные славянских языков привлекаются в рецензируемой диссертации по всему ходу исследования в четко определенных (как мне это видится) случаях. 1) Либо многоязыковые данные используются для создания внутригенетического типологического фона при описании предбудущего в восточнославянских языках (как мы это наблюдаем как раз во втором разделе диссертации), 2) либо тексты 1-2 (древне)славянских языков восполняют отсутствие или малочисленность источников (или редкость самих форм в источниках) в определенные временные периоды в истории русского языка, 3) либо обращение к другому славянскому языку выступает как своего рода контрольный фон для решения проблемного вопроса. Напр., включение диахронического сербскохорватского материала (с. 330 и след. раздела/тома 1) обусловлено стремлением проверить гипотезу о польском влиянии на становление русской конструкции БУДУ + инфинитив путем привлечения типологически близкого, но аспектуально отличного языка, где сходство форм могло бы иметь иное объяснение. Стоит заметить (и при чтении работы уже перестаешь этому удивляться), что это включение потребовало от диссертанта глубокого погружения во весь объем научной литературы по дискуссионным вопросам первого и второго будущего в югославянском ареале. Более того, Я. А. Пенькова предпринимает собственный анализ обсуждаемых в литературе древнесербских текстов: составляет свой корпус примеров и, в духе предшествующих глав и общей методики в целом, производит проверку в тестах не только самой искомой конструкции, но и близких форм с начинательным значением, с применением к ним установленных ранее параметров. Благодаря этой исследовательской дотошности при работе с источниками и продуманному методическому алгоритму диссертант, решая одну, фокусную задачу, «попутно» вносит вклад в проблему дистрибуции рассмотренных форм в древнесербской письменности и в их развитии вплоть до XIX в. (с. 347-350, раздел 1).

Во втором разделе данные славянской компаративистики выступают прежде всего как инструмент установления вектора типологических изменений и диагностики типологической значимости наблюдаемых сдвигов. Диссертантом предложена структурная типология славянского предбудущего с определением трех центральных типов: сербохорватский (общеславянский), болгарский (севернобалканский), македонский (южнобалканский), а также маргинальные западнославянские (посессивный и предложный) и два циркумбалтийских (севернорусский и западнорусский) (1-2 главы, ч.1, раздел 2).

Последовательно охарактеризовав модели, представляющие эти типы, диссертант переходит к семантике (глава 3), где структурно-ареальная сетка типологии сменяется функциональной: языки перекомбинируются уже не по ареальному и формальному

признаку, а по тому, какие именно зоны эпистемической и эвиденциальной семантики оказываются доступны для грамматикализации предбудущего.

Сами пути, стимулы и степень этой грамматикализации устанавливаются в части 2 (раздела 2). Выделены два основных вектора, по которым может осуществляться этот процесс в славянских языках, – это (1) утрата ретроспективности и (2) утрата референции к будущему с развитием модально-эвиденциальных значений. Автору удается впервые на столь широком материале провести системный анализ форм предбудущего с учетом диахронической динамики и выявить ранее не описанные формы, семантические переходы славянского будущего и триггеры грамматикализации.

Сформулированная в начале исследования гипотеза о широком грамматикализационном потенциале предбудущего в эпистемической и эвиденциальной областях получает в работе последовательное подтверждение на материале как рассматриваемых языков, так и широкого типологического фона.

К числу важнейших научно значимых результатов работы относится и вывод о том, что контраст между старым и новым предбудущим проявляется в их функциональном размежевании: в древних славянских языках предбудущее функционирует преимущественно в сфере реального условия и косвенных наклонений, избегая чистого таксиса, и далее (если оно сохранилось) сближается в своем развитии с зоной ирреальности; в новых типах оно, напротив, перестраивается под общеевропейский образец, регулярно обслуживая результативные контексты и предшествование в будущем — именно в этом и заключается ключевой вектор эволюции славянского предбудущего (глава 3, раздел 2).

Одним из актуальных для славистики достижений диссертанта является доказательство параллели между древнеславянским предбудущим и сербским и хорватским вторым будущим (*футур други*). Систематический характер их функционального параллелизма, подтвержденный в разных главах исследования на разных источниках, позволяет говорить не о случайности сходства, а о доказанном типологическом инварианте.

Диссертант выявляет важную функцию импликатур в путях переосмысления второго будущего и показывает, что конвенционализация импликатур выступает механизмом, формирующим полифункциональность перифразы и определяющим разнонаправленность ее эволюции в славянских языках.

Предложены ценные наблюдения о путях трансформации и специализации болгарских форм предбудущего на типологическом фоне, о специфике становления македонских форм, о западнославянских футуральных результатах-перфектах и мн. др. (ч. 1-2, раздел 2).

В финальной части исследования (ч. 3, раздел 2) автор обращается к восточнославянскому предбудущему и на материале широкого круга памятников приводит аргументы в пользу того, что восточнославянское предбудущее XV–XVI вв. представляет собой по своей сути предположительное наклонение. Среди многих важных наблюдений в этой части исследования (см. с. 140–245) упомяну лишь одно, находящееся в русле актуальных проблем балканистики. Известно, что в балканских языках имеются два слабо пересекающихся ареала по отношению к возможностям аориста: западнобалканский, где аорист реализуется в модальных контекстах, и восточнобалканский, этого не допускающий (*Friedman V., Joseph B. The Modal Aorist in the Balkan Linguistic League // Zeitschrift für Balkanologie*, 2022. 58(1/2). S. 223–252), см. и в: *Friedman V., Joseph B. The Balkan languages*. Cambridge University Press, 2025). Я. А. Пенькова на основе переводных древнеславянских памятников (с. 141–172, раздел 2) выявляет спектр славяно-греческих соответствий и доказывает функциональный характер переводческих решений при передаче греческого аориста. Сделанные ею наблюдения о специфике таких контекстов как контекстов снятой утвердительности применимы и для объяснения современных балканских функциональных (а не структурных) параллелей в этой семантической зоне.

Достоверность результатов, полученных в рецензируемом диссертационном исследовании, обеспечена комплексом взаимосвязанных составляющих: 1) широкой,

отвечающей задачам и верифицируемой эмпирической базой и ее тщательным анализом, 2) компаративным фоном (данные иных славянских языков в синхронии и диахронии) и типологическим ракурсом (данные других, в основном европейских языков) и 3) системной методологией, учитывающей разноуровневые характеристики языковых единиц, и разнообразным методическим инструментарием.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты диссертации могут быть использованы в вузовском преподавании (историческая грамматика, славистика, типология, общая грамматика), в лексикографической практике (подготовка и редактирование статей исторических словарей) и в корпусной лингвистике (напр., разметка исторических модулей НКРЯ).

Основные положения диссертации прошли необходимую апробацию. Опубликовано 18 статей в рецензируемых научных изданиях, перечень которых определен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и / или входящих в базы данных Web of Science (Core Collection) и Scopus, а также научная монография и двадцать публикаций в других профильных изданиях.

Автореферат и публикации с необходимой полнотой отражают результаты, достигнутые в работе.

Замечания и вопросы, которые следуют далее, носят частный характер.

1. Структура работы логична и подробно прописана в Оглавлении, которое занимает 7 страниц. При каждой главе имеются выводы, однако ощущается нехватка обобщения в конце всего 1 тома/раздела. Кроме того что это структурно напрашивается, такое обобщение было бы актом милосердия к читателю.

Главам лучше было бы присвоить сквозную нумерацию.

2. Представляется, что утверждение о том, что «[e]вропейские языки строго делятся на те, в которых футуральные формы возможны в условном протасисе, и те, в которых такое употребление неграмматично» (с. 42, раздел 2), звучит несколько категорично. В какую группу автор, например, помещает болгарский язык, где в норме в протасисе употребляется настоящее время – реликт старого состояния. При этом у глаголов СВ употребление будущего неграмматично, а у глаголов НСВ – если и допускается, то имеет обязательное модальное наращение: о наступлении действия сообщается как об оговоренном или прогнозируемом [Москова-Еленска В. Още веднѣж за подчинените изречения със съюз *ако* // Български език. 1972. № 3; Станков В. Към въпроса за употребата на формите за бъдеще време в подчинени условни изречения // Български език. 1974. № 6, см. и: Иванова Е.Ю. Граматически категории в структурата на българското подчинено изречение: контекстово обусловени значения и реликтови състояния // Български език. 2019. Приложение. С. 36-39 и др.].

Ср. неграмматичность будущего при СВ: *Ако [ище] научиш...* ‘Если выучишь...’ и допустимость при НСВ: *Ако ище учиш чужди езици, избери испанския*. ‘Если собираешься/действительно будешь учить иностранные языки, выбери испанский’. (Это, собственно, то же семантическое наращение, которое может давать в сербском, хорватском языках Futur I, но не Futur II, в протасисе [Синтакса сложене реченице у савременом српском језику / У редакцији акад. Предрага Пипера. Београд, 2018. С. 466-467]).

3. Группа употреблений, обозначенных в работе как «игноративные» (вслед за [Сичинава 2022]), связывается с контекстами незнания — прежде всего с вопросительными предложениями и косвенными вопросами. Но сама по себе эта контекстная привязка кажется не вполне устойчивой: в болгарском, скажем, такое употребление ограничено частными вопросами (в том числе косвенными). В других языках, судя по примерам в диссертации или в статье Дмитрия Владимировича, это ограничение не безусловно. Не попробовать ли усилить определение семантическим компонентом, а именно эпистемической возможностью (выбор альтернатив расширяется, и ни одна не более вероятна, чем другие), которая отличает данные употребления от презумптивных (выражающих вероятность), ср. и [Ганева Г. Модалните значения *възможност* и

вероятност в българската езикова история. София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“. 2023: 127-128; Алексова К., Търпоманова Е. Презумптив за изразяване на епистемична възможност във въпроси в балканските езици – какво ще да е това? // Български език. Приложение. 2026. С. 337–350].

Переводить «игноративные» употребления будущего предварительного на русский язык лучше, как мне кажется, не просто прошедшим временем: ‘Кто (же) это был?’, а эксплицируя модальный предикат: *Кой ще да е бил този?* ‘Кто (бы) это мог быть?’

4. Редкое «проксимативное» (авертивное) употребление будущего предварительного (‘чуть было не’) утверждается для македонского языка, исходя из примера (93) (в контексте пересказа чужой речи):

Вчера **ќе** го згазтеле, го пресретнале и го заплашиле, а тој ги опцул. ‘Вчера они **чуть** его **не сбили**, он попался им по пути, и они его испугали, а он их обругал’ [Верижникова 1997: 265] ((пример 93, с. 56, раздел 2).

Действительно, представлена македонская форма пересказа, но не предбудущего в прош., а будущего в прошедшем, ср. и парадигму будущих времен в [Верижникова 2023: 35]: «*ке+сум+л-форма, несвидетельская форма для будущего и будущего в прошедшем*».

И тогда ситуация выглядит типологически более обычной: для будущего в прошедшем авертив является типичным семантическим ответвлением.

5. Пример 3 из своеобразного говора Ново село (с.21, раздел 2) дан как пример из болгарского диалекта, что полностью соответствует позиции болгарских диалектологов, но все же надо иметь в виду, что вопрос это дискуссионный: проверка по многим параметрам указывает на высокую степень близости к сербским тимокским говорам (Соболев А.Н. О неким јужнословенским говорним оазама у Источној Србији, Западној Бугарској и Румунији (Вратаница, Ново Село, Свиница) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику 1995. 38(2) С. 198-205), см. даже структуру форм в примерах ниже. К сожалению, Яна Андреевна приводит данные на будущее предварительное из этого говора, но не упоминает находящееся на той же и следующей странице монографии М. Младенова «вероятностное» (в терминологии М. Младенова) наклонение, которое содержит интересующие диссертанта и формы, и эпистемическое значение, напр.:

настоящее вероятностное – *носичъм*

прошедшее вероятностное – *будацьм носил*

будущее вероятностное – *чь носичъм* [Младенов 1969: 109]

6. Заслуживают уважения точность, с которой Я. А. Пенькова передает древние и современные славянские тексты, глубина их понимания, аккуратность переводов этих примеров. Предложу корректировки и сомнения буквально к единичным славянским данным:

Пример (64) – болг.: Тъкмо **ще съм си починал**, когато ратниците на брат ми ме открият и ми прережат гърлото. ‘Я **буду отдыхать** только [тогда], когда воины моего брата меня найдут и перережут мне горло’ (раздел 2, с. 48). Данный пример стоит исключить из иллюстраций значения предбудущего как «следование в будущем», поскольку здесь представлено не союзное сочетание *тъкмо когато* (‘именно когда’), а разрывная конструкция *Тъкмо... когато* или *Тъкмо... и* (ср. рус. *Только..., как вдруг или Не успел..., как*), которая используется для указания на неожиданное и быстрое наступление второго действия, и первая часть темпорально предшествует второй.

В разделе 2 при обсуждении типов славянского предбудущего есть не очень показательные иллюстрации для демонстрации конструкций с неизменяемым причастием на *-но /-то*. Македонский пример (18) на с. 25 содержит местоимение ср. р., с которым можно подозревать согласование: мама **ќе има зготвено** нешто, букв. ‘мама будет иметь что-то приготовленное’. Более уместным был бы пример (10) со стр. 36. Подобный же синтаксический контекст с формальным согласованием имеет кашубский пример (21), стр. 27. В чешском примере (22) (*Když se příští rok vrátíte, už budu mít **prodaný** svůj dům*) [там же] имеем *prodaný* (м.р. тв. тип), согласованное с *dům* (м.р. тв. тип).

